

БОРИС Георгиевич Добронравов, выдающийся артист МХАТа, очень хорошо ко мне относился. Может быть, тут играло роль то обстоятельство, что он знал, — я испытываю к нему подлинно благоговейное чувство. На мой взгляд, он был удивительный актер, в полном смысле слова выдающегося таланта. Ему была присуща необычайная глубина и та зоркость, то проникновение в самую сущность любой исполняемой им роли, которое свойственно обычно лишь подлинно одаренным художникам.

Я собиралась писать о нем книгу, потом заболела и болела долго, так и не пришлось взяться за работу. Все думала, ладно, успею, еще есть время, вот поправлюсь окончательно и примусь за книгу. Надо будет поднабрать еще материала о Борисе Георгиевиче, еще поговорить с ним, послушать его, расспросить, прилежно записывая все то, что он говорит...

Не пришлось. Пока собиралась да прикидывала, когда наконец-то сумею по-настоящему взяться за работу, Борис Георгиевич умер.

Никогда не след откладывать на после что бы то ни было. Можно вот так, как в этом случае, опоздать навеки. Нет, никогда...

ОДНАЖДЫ, в ту пору я была здорова, а Добронравов был в самом расцвете своего таланта, он пригласил меня в гости.

— Приходите, ежели захотите, — предложил он. — Будут наши, мхатовцы, увидите воочию наши звезды...

Я надела единственное мое нарядное платье, сделала прическу в парикмахерской и отправилась в го-

Людмила УВАРОВА

Вес Москва - 1990 - 31 авг.

БОРИС ДОБРОНРАВОВ

сти в знакомый дом на улице Немировича-Данченко. Дверь мне открыла Мария Юльевна, жена Бориса Георгиевича, тоже служившая актрисой во МХАТе.

— Проходите в столовую, — приветливо пригласила меня она. — Сейчас начнут собираться наши друзья.

Кто сидел за столом Добронравова? Помню красавицу Аллу Константиновну Тарасову, Еланскую Клавдию Николаевну, тоже очень красивую, но красота ее была статная, о ней говорили: царь-баба, великолепная фигура, выразительное лицо, большие, яркие глаза, поминутно менявшие свое выражение, то мягко излучавшие доброту, ласку, то сверкавшие гневом, точеный нос с тонкими, раздувающимися ноздрями, роскошные волосы. Еланская тоже была стройной, но в статности уступала Тарасовой, лицо ее с черными, блестящими глазами казалось несколько восточного облика, легкий пушок виднелся над верхней губой. Андровская, прелестная, белокурая, розовая, беспрестанно смеялась тому, что нашептывал ей на ухо Грибов, толстый, лысый, с расплывшимся лицом человека, кото-

рый любит поест и не дурак выпить. Помню я Веру Николаевну Попову и ее мужа Анатолия Петровича Кторову, она была не из красивых, а он, бывший красавец, сохранивший былую элегантность до конца, подтянутый, стройный, чуть улыбаясь, время от времени вставлял какое-нибудь слово, вдруг смешившее всех...

Потом, уже припозднившись, явился Михаил Михайлович Яншин, а вместе с ним Лев Наумович Свердлин.

Разумеется, всем нашлось место за столом. даже тем, кто опоздал.

КОНЕЧНО, многое уже стерлось из памяти, не мудрено, столько лет прошло, но кое-что все же запомнилось. Врезалась в память та атмосфера дружелюбия и неподдельного товарищества, которая господствовала в тот вечер. Борис Георгиевич внес и поставил на стол огромный самовар. Тщательно отчищенный, с медальями на боках, он отражал веселые, улыбающиеся лица.

Было у мхатовцев правило: если артист живет один, вдов или холост, то какая-нибудь актриса берет

на себя за столом обязанности хозяйки.

Андровская сказала:

— Друзья мои, помните, как мы недавно пили чай у Алексея Николаевича? — Залилась звонким, серебристым смехом.

— Помнишь, Алеша? — она обернулась к Грибову.

— Как не помнить, — пробасил он.

Вот что произошло не очень давно у Грибова. Бытовала среди мхатовцев традиция время от времени собираться у кого-нибудь из них. Пить чай, беседовать, вспоминать прошлое, советовать о предполагаемых или уже сыгранных ролях.

Так вот, собрались они все вместе у замечательного артиста Художественного Алексея Николаевича Грибова. В ту пору он жил один вместе со старухой нянькой, некогда выпестовавшей его. Была она вся согнутая, однако, по словам Грибо-

ва, бодростью и жизнелюбием Бог ее не обидел.

На этот раз хозяйкой была Ольга Николаевна Андровская. Она разливала чай, накладывала варенье в розетки, резала сладкий пирог.

— Сидим, беседуем о том, о сем, — повествовала Ольга Николаевна. — Все тихо, мирно, спокойно, а тут входит нянька Алешина, идет через всю комнату, протягивает Алеше запонки и бормочет про себя, однако, довольно ясно:

— Ты все ругаешься, чертов сын, все обзываешь меня, старая ж... старая ж... а запонки-то на рояле, старая ж... их и не видела...

— И что же вы думаете? — продолжала Ольга Николаевна, стараясь перекрыть смех за столом. — Сказала вот так и ушла. И все, как ничего не случилось.

— И в самом деле, все, — подхватил Грибов, — все как сидели, так и продолжали сидеть. Верите, Люся?

— Верю, — ответила я, ведь я знала, рассказ этот был предназначен для меня, ибо всем остальным он был хорошо известен.

— Да, вот оно как было, — продолжал Грибов, — Олюшка чай разливал, Алочка еще себе пирож-

ка отрезала, Клавдия ложечкой в чашке мешает, ну, просто как не слышал никто ничего...

— Вот это и есть наш Художественный, — сказал Добронравов. — Умеют держать, как говорится, кураж, если надо, и вида не покажут, будто что-то не так, уж такие мы...

ТОГДА, в начале сорок восьмого, я, как уже говорила, решила писать книгу о Борисе Добронравове, часто бывала на спектаклях с его участием, часто посещала его дома, беседовала с ним и с его женой Марией Юльевой.

Очень меня порадовало, что мы с ним земляки, я родилась на Мытной улице, а он жил во 2-м Бабе-городском, недалеко от Мытной, его отец был настоятелем церкви на Калужской площади.

Женился он на Марии Юльевне по любви, оба служили в одном театре, правда, он был ведущим актером, а она пела за сценой.

— Она у нас в доме голова, — говорил Добронравов. — Я беспрекословно ее слушаюсь. Она всегда и во всем права...

Говорил он совершенно искренне. В нем, взрослом, прославленном артисте, было много детского, непритворно наивного. Говорят, это свойство подлинного таланта. А он был необыкновенно талантлив. Мне довелось как-то побывать у Константина Сергеевича Станиславского, и тот произнес тогда запомнившиеся до сих пор слова:

— Боря Добронравов безмерно талантлив, талантлив на всю жизнь! Но Добронравов постоянно чувствовал себя уязвленным. И неспроста.

Все народные артисты - мхатовцы были удостоены Сталинской премии. Все до одного. Кроме него. Он единственный не был удостоен этого звания, особенно ценного в те годы. И когда на концертах какой-нибудь ловкач-конферансье, объявляя его выступление, провозглашал: «Выступает народный артист СССР, лауреат Сталинской премии Борис Добронравов» — эти слова всегда больно ранили его, потому что то была неправда, самая что ни на есть откровенная.

Как-то Борис Георгиевич признался мне, почему так получилось.

— Была читка пьесы Анатолия Сурова «Зеленая улица». На мой взгляд, дерьмо страшное. Я так и сказал. А тут мне говорят...

— Кто? — спросила я.

— Неважно, кто. Режиссер, скажем. Так вот, он говорит:

— Мы вам, Борис Георгиевич, рольку приготовили, одну из самых

наивыигрышных, пальчики оближете...

— А я сказал: — И не подумаю облизовать хотя бы один пальчик.

— Почему? — спрашивают. — Потому что пьеса-то не того. Дерьмо, одним словом...

И рассказав об этом, Добронравов добавил:

— Сколько меня ни уговаривали, сколько ни сулили благ, дескать, и лечиться за границу поедешь, и денег подсоберешь, сколько следует, и премию, ясное дело, получишь, я ни в какую, уперся на своем... ни за что не буду играть в этой пьесе, никакая роль, самая что ни на есть не нужна мне, если она сочинена Суровым...

— Вот так оно и вышло, — заключил Борис Георгиевич. — Меня из театра не выгнали, звания народного артиста не лишили, никаких санкций не стали применять, но премии так и не дали. Не дали — и все.

КАК известно, артисты — люди суеверные. Я и сама, хотя и не принадлежу к актерской братии, в достаточной мере суеверна, поэтому не осуждаю никого. Но никак не могу понять, почему мхатовцы решили снова поставить спектакль «Царь Федор Иоаннович»? Ведь в этом самом спектакле прямо на сцене умер прекрасный актер Николай Хмелев, исполнявший роль царя Федора. Тогда мхатовцы решили — больше не играть царя Федора. И вдруг, спустя три или четыре года — снова премьера этого же самого спектакля. В главной роли Борис Добронравов. Перед началом спектакля я пришла к Добронравову в гримборную.

Он сидел перед зеркалом, в тяжелом парчовом одеянии, уже готовый к выходу.

Он был поразительно красив — высокий, статный, черты лица правильные, большие серые глаза, великолепные зубы, когда улыбался, все его большое, тщательно вылепленное лицо как бы светлело, словно на него падал луч солнца.

Я пожелала ему удачи, он слегка улыбнулся, медленно повернул голову, глянул на себя в зеркало, поправил золотую цепь, висевшую на шее.

Я тихо прикрыла дверь.

Могла ли я думать, что вижу его в последний раз? Он умер на сцене, как и его друг Николай Хмелев, в бармах царя Федора. Занавес долго не давали, публика начала волноваться, потом вышел кто-то из дирекции театра, объявил о горестном событии...